
МУЗЕЙ

Непомнящий А.А.

«Я ПОДНИМУ СВОЙ НОС ГОРДО И СМЕЛО ВВЕРХ»: ПОЛИНА ЧЕПУРИНА В БОРЬБЕ ЗА ЕВПАТОРИЙСКИЙ МУЗЕЙ

Непомнящий, Андрей Анатольевич—доктор исторических наук, профессор, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Россия, Симферополь, dr.aan@mail.ru.

Статья демонстрирует сложные процессы становления крымского музейного сообщества в 20-е годы XX столетия. Показана роль искусствоведа Полины Яковлевны Чепуриной (1880–1947) в создании и сохранении археолого-этнографического музея в Евпатории. Использование многочисленного эпистолярия и делопроизводственной документации из архивов Москвы и Санкт-Петербурга позволило продемонстрировать интеллектуальную напряженность в среде музейных работников, их межличностные контакты и конфликты и по-новому представить биографию заведующей евпаторийского музея.

Ключевые слова: Чепурина П.Я., Археолого-этнографический музей, Евпатория, крымско-татарское ремесло, выставки.

“I WILL LIFT MY NOSE PROUDLY AND BOLDLY UP”: POLINA CHEPURINA IN THE FIGHT FOR THE EVPATORIA MUSEUM

Nepomnyashchy, Andrey Anatolyevich—Doctor of Historical Sciences, Professor, the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Russian Federation, Simferopol, dr.aan@mail.ru.

The article demonstrates complex processes of formation of the Crimean museum community in the 1920^s. The role of art historian Polina Yakovlevna Chepurina (1880–1947) in the creation and preservation of the archaeological and ethnographic museum in Yevpatoria is shown. The use of numerous epistolaries and clerical documentation from the archives of Moscow and Saint-Petersburg made it possible to demonstrate intellectual tension among museum workers, their interpersonal contacts and conflicts and to present the biography of the head of the Evpatoria Museum in a new way.

Key words: Chepurina Polina, Archaeological and Ethnographic Museum, Yevpatoria, Crimean Tatar crafts, exhibitions.

В досоветское время в Крыму было открыто более десятка музеев исторического профиля. Вокруг них, кроме мизерного числа штатных сотрудников, формировались неформальные коллективы неравнодушных граждан, занимавшихся самостоятельными краеведческими разысканиями. В этой среде было много ярких представителей российской интеллигенции, благодаря подвижничеству которых мы сегодня имеем уникальные по составу фондов музейные коллекции. Начало Евпаторийскому археолого-этнографическому музею положили археологические разведки 1916 г., произведенные заведующим Складом местных древностей и раскопками Херсонеса Лаврентием Алексеевичем Моисеевым (1882–1946) и профессором Петроградского университета Михаилом Ивановичем

Ростовцевым (1870–1952)¹. Возникло небольшое хранилище артефактов в составе Склада местных древностей в Херсонесе. В смутные годы Гражданской войны, частой сменяемости правительств было не до организации музея. Поэтому в период окончательного установления Советской власти, к началу 1920-х гг., учреждение практически оформлялось с нуля. Одновременно с археологической коллекцией, сформированной в результате поиска Керкинитиды, было положено начало и этнографическому собранию. К 1921 г. этнографические материалы, характеризующие культуру и быт караимов, являлись основными во временной экспозиции². Помещением, где первоначально, еще с 1920 г., концентрировались экспонаты, стала городская библиотека.

История создания и деятельности в первое советское десятилетие музея в Евпатории связана с именем крупного крымоведа Полины Яковлевны Чепуриной (1880–1947). Биографию подвижницы удалось восстановить благодаря сохранившимся собственноручно составленным автобиографиям и заполненным анкетам. В этой связи выявляются определенные прорехи, но общая канва жизни Чепуриной просматривается. Она родилась в Киеве в семье священника. Отца вскоре перевели на службу в Евпаторию³. После традиционного курса домашнего образования Полина окончила Евпаторийскую женскую гимназию, а затем — Одесское художественное училище. Свободное владение французским и итальянским языками позволяло ей знакомиться с многочисленной европейской литературой по искусствознанию. Зародившийся на почве окружавших гимназистку древностей античной Керкинитиды интерес к прошлому способствовал продолжению образования в Московском археологическом институте, где Чепурина получила специальность «археолог-художник». Ее научным наставником стала известный этнограф Вера Николаевна Харузина (1886–1931)⁴.

В 1903–1911 гг. П.Я. Чепурина проживала в Одессе. Преподавала в фабричной воскресной школе для рабочих⁵ и одновременно работала в организационном комитете Фабрично-заводской, художественно-промышленной и сельскохозяйственной всероссийской выставки в Одессе, которая проходила в 1910–1911 гг. Полина Яковлевна занималась формированием экспозиций художественно-промышленного отдела (живопись, скульптура, музыкальные инструменты, чертежи, проекты, мебель, внутренняя декорация), а также изделий фабричного и ремесленного производства. Неоднократными были в это время ее поездки в Италию и Германию, где молодой искусствовед знакомилась с коллекциями крупнейших музеев, на практике училась организации выставочного дела. В это время она сотрудничала в Союзе южнорусских художников. Уже в одесский период, не прерывая постоянных контактов с Крымом, подвижница увлеклась изучением бытовой истории крымских татар, «по собственному почину занялась собиранием и изучением крымско-татарского орнамента»⁶.

У нас нет информации о том, где официально работала П.Я. Чепурина в 1911–1920 гг. Но известно, что проживала она в Евпатории с отцом. В 1910–1911 гг. состоялась ее первая

¹ См.: *Непомнящий А.А.* Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX—начало XX века): биобиблиографическое исследование. Симферополь, 2000. 360 с.

² *Чепурина П.Я.* Евпаторийский музей // Крым. 1926. № 2. С. 200.

³ Государственный архив Республики Крым (Далее — ГАРК). Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 10. Л. 12.

⁴ См.: *Непомнящий А.А.* Историчне кримиознавство (кінець XVIII — початок XX століття): біобібліографічне дослідження. Симферополь, 2003. 453 с.

⁵ ГАРК. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 10. Л. 58–59.

⁶ Государственный музей искусства народов Востока (далее — ГМИНВ). Оп. 2. Сшивка 6. Д. 115. Л. 4.

научная экспедиция по Крыму, где Полина Яковлевна собирала крымско-татарское орнаментное шитье. Маршрут экспедиции тогда охватил Юго-Восточный Крым: Отузы, Козы, Токлук, Судак, Таракташ, Капсихор, Кутлак, Ай-Серез. Главной находкой молодого этнографа стало открытие творчества художницы-рисовальщицы орнамента Айше Мамбетовой из деревни Отузы. К началу второго десятилетия XX в. относятся первые научные исследования П.Я. Чепуриной в области изучения крымско-татарского и караимского народного искусства. Отрывочные факты позволяют установить ее коммуникации с исследователями Москвы и Санкт-Петербурга. Так, по результатам экспедиции 1910–1911 гг. этнографом были прочитаны научные доклады в Русском географическом обществе («Культура и быт крымских татар»), в этнографическом кружке при Археологическом институте, которым руководила В.Н. Харузина («Орнамент крымскотатарской вышивки», «Быт, искусство и архитектура крымских татар»)⁷.

После окончательного установления Советской власти в Евпатории 13 ноября 1920 г. краевед смогла реализовать себя как специалист в музейном деле. По приглашению Евпаторийского отдела народного образования Крымревкома П.Я. Чепурина заняла должность заведующей в учрежденном в 1921 г. музее. Одновременно она, как и руководители музеев в других крымских городах, возглавила Евпаторийскую секцию Крымского отдела по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИСа). Тем самым взяла на себя ответственность за всю ситуацию с охраной памятников в регионе. Главным в этом деле стала организация в городе стационарного музея.

Заведующая пришла практически на пустое место. Прежде всего, требовалось решить вопрос о выделении отдельного здания для хранения и экспонирования коллекции. В феврале 1921 г. распоряжением начальника 46-й стрелковой дивизии Рабоче-Крестьянской Красной Армии для выставки, которая на начальном этапе именовалась «Музей “Искусство старины”», было выделено здание по улице Советской⁸. Уже к концу года учреждение культуры именовали — Евпаторийский археолого-этнографический музей⁹. В протоколе заседания Евпаторийской секции ОХРИСа от 20 июля 1921 г. отмечено, что хотя научная классификация не окончена, но экспозиция может быть открыта для горожан и гостей курорта. Сотрудникам пришлось самостоятельно ремонтировать помещение. Только после окончания восстановительных работ они начали формирование экспозиции и обработку фондов¹⁰. При этом надо понимать, что 1921 и 1922 гг. — время жестокого голода в Крыму. Люди выживали только благодаря получаемым мизерным пайкам по месту работы. Чепурина сообщала в Наркомпрос РСФСР о своих сотрудниках: «Несколько человек лежат на грани смерти»¹¹.

Мы имеем достаточно полное представление о формировании первых экспозиций, росте фондовых коллекций, поступлениях, сотрудниках, мероприятиях музея благодаря хорошо сохранившимся ежегодным отчетам, составленным заведующей и отложившимся в составе «Коллекции материалов по музейному строительству» в Отделе письменных

⁷ Там же.

⁸ ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 1. Л. 200.

⁹ Государственный исторический музей, отдел письменных источников (Далее — ГИМ ОПИ). Ф. 54. Оп. 1. Д. 999. Л. 6.

¹⁰ ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 1. Л. 82–83.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (Далее — ГАРФ). Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 316. Л. 208, 211.

источников Государственного исторического музея¹². Как видно из документов, поступлений в первые месяцы Советской власти было много. Источником стали массовые реквизиции у расстрелянных, эмигрировавших горожан и так называемых «враждебных элементов». Среди конфискованных вещей П.Я. Чепурина отбирала приглянувшиеся предметы на складах жилищного отдела и отдела народного образования (книги). Власти ей не мешали и в отборе не ограничивали. Так, благодаря реквизициям собрание пополнилось богатыми коллекциями японских вещей: эмальями и одеждой, тканями. Созданию полновесной экспозиции препятствовало элементарное отсутствие витрин и полок для хранилища¹³. «Все же удалось сделать предварительную расстановку. Окончательная будет сделана, по возможности, скоро», отмечалось в отчете музея от 15 апреля 1921 г., отосланном в симферопольский ОХРИС, «Приступили к классификации, нумеровке и составлению каталога, который вчерне почти готов»¹⁴. П.Я. Чепурина особое внимание уделяла созданию в музее восточного отдела. В докладе, отправленном руководству ОХРИСа, она оговорила, что «необходимо назначить большой зал для восточного отдела. В глубине его устроить нечто подобное убранству сакли татарской»¹⁵. Руководитель музея отмечала, что если ранее такое предложение отклонялось из-за отсутствия материалов для экспозиции, «сейчас вещей уже достаточно, чтобы заполнить такую комнату»¹⁶.

С развернутой программой сохранения материальных памятников караимской Евпатории П.Я. Чепурина выступила на проходившем с 5 по 9 октября 1922 г. первом съезде КрымОХРИСа. В условиях полного отсутствия финансирования для организации археологических раскопок Керкинитиды, основное внимание предлагалось уделить сохранению жилых построек караимов XIX в. в старой части застройки Евпатории и формированию музейных коллекций¹⁷.

Вокруг энтузиаста-заведующей постепенно формировалась группа неравнодушных представителей местной интеллигенции, которые помогали ей обрабатывать переданные для музея предметы. П.Я. Чепурина пригласила в штат музея специалиста в области античного искусства Леонида Григорьевича Песчанского — выпускника Новороссийского университета (обучался в 1898–1901 гг.), ученика крупного специалиста по античным памятникам Юга России Э.Р. Штерна. В начале XX в. он слушал лекции в Берлинском университете, специализировался у профессора Ф. Виганда. Л.Г. Песчанский выполнял обязанности научного секретаря музея. На штатной должности хранителя работал выпускник Академии художеств Георгий Харлампиевич Бояджиев (1861–1944). До установления советской власти он служил преподавателем искусств в средних учебных заведениях Евпатории. Увлекался любительской археологией¹⁸. После ареста Бояджиева в 1924 г. на его место был принят И.В. Мыслин¹⁹.

¹² *Непомнящий А.А.* КрымОХРИС в документах отдела письменных источников Государственного исторического музея (1920–1927) // Вестник Томского государственного университета. Серия: «История». 2022. № 75. С. 125–130.

¹³ ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 1. Л. 157.

¹⁴ Там же. Л. 68.

¹⁵ Там же. Л. 178.

¹⁶ ГИМ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 999. Л. 7–8.

¹⁷ *Чепурина П.Я.* [Доклад к Съезду Крым ОХРИСа о деятельности Евпаторийского ОХРИСа] // Отчет Первого съезда Крымского областного комитета по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИСа) в городе Севастополе 5–9 октября 1922 г. Бахчисарай, [Б. г.]. С. 17–18.

¹⁸ ГИМ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 999. Л. 8.

¹⁹ ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 11. Л. 125.

Если первоначально для евпаторийского музея было утверждено четыре штатные должности сотрудников кроме заведующей, то уже осенью 1922 г. штат был сокращен до двух единиц — заведующая и технический работник²⁰. П.Я. Чепурина просила руководство КрымОХРИСа ходатайствовать перед Главнаукой Наркомата просвещения РСФСР о восстановлении количества сотрудников до трех²¹. Руководитель КрымОХРИСа А.И. Полканов с такими ходатайствами в Музейный отдел Главнауки Наркомпроса РСФСР обращался, но безрезультатно²². В создавшейся ситуации заведующая старалась дать инициативу тем из местных деятелей, кто любил и понимал музейную работу. По собственной инициативе, на общественных началах, в музее сотрудничали заведующим караимским отделом Борис Саадьевич Ельяшевич (1881–1971) — уроженец Трокая, выпускник Евпаторийского караимского духовного училища. Он увлеченно разрабатывал вопросы, связанные с изучением древнееврейского, татарского и турецкого языков. Хранителем библиотеки музея стал Соломон Маркович Шайтан²³.

Практически сразу после открытия музея евпаторийскими этнографами была начата работа по созданию «Восточной комнаты» (над экспозицией работали с 22 июня по 16 июля). В апреле 1921 г. на заседании Евпаторийской секции ОХРИСа обсуждался вопрос «о привлечении татарина» в качестве заведующего «Восточной комнатой» и караима для разбора караимских рукописей в архивном отделе секции²⁴. Так в музее стал сотрудничать И.С. Аирчинский. Кроме «Восточной комнаты» Полина Яковлевна, в русле собственных увлечений народными промыслами, открыла комнату прикладных искусств.

Важной составляющей деятельности П.Я. Чепуриной в Евпатории в начале 1920-х гг. была организация мероприятий по сохранению культурного наследия. Как сотрудник ОХРИСа, заведующая музеем получила мандат о том, что является уполномоченной Крымархива на территории Евпатории и уезда²⁵. Катастрофической была ситуация с сохранностью караимских рукописей архивных документов ушедшей эпохи, в принципе. Уникальные рукописи продавали на рынке как обычную бумагу для топки. В письме в Евпаторийский ревком 15 июня 1921 г. П.Я. Чепурина требовала запретить продажу архивных документов из разных ведомств на вес, а временно собирать и хранить эти бумаги при музее до официального открытия местного архива²⁶. Сотрудники музея — они же деятели местного отделения КрымОХРИСа — проводили большую работу по обследованию и учету архитектурных объектов города, которых в Евпатории было немало. Интерес представляет акт, составленный П.Я. Чепуриной, Г.Х. Бояджиевым и инженером И.В. Мыслиным 16 февраля 1924 г., где приведен список уникальных архитектурных объектов жилой застройки Евпатории²⁷. В переписке с ОХРИСом Чепурина сообщала, что «отыскан еще один старый дом по Купеческой улице, 123» (здание Караимского духовного правления), имеющий «прекрасный резной потолок (в полной сохранности), остаток галереи, карнизы»²⁸. Благодаря ходатайству Евпаторийского отделения ОХРИСа

²⁰ Институт истории материальной культуры РАН, научный архив, рукописный отдел (Далее — ИИМК РАН НА РО). Ф. 2 (1927 г.). Д. 83. Л. 5.

²¹ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 316. Л. 227.

²² Там же. Л. 228.

²³ ГИМ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 999.

²⁴ ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 1. Л. 7 об.-8.

²⁵ Там же. Л. 19.

²⁶ Там же. Л. 7 об.-8.

²⁷ ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 11. Л. 234.

²⁸ ГИМ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 999. Л. 13–14.

все выявленные объекты культурного наследия были взяты на музейный учет и освобождены от постоя. Таким образом, Полина Яковлевна Чепурина развернула многогранную деятельность по учету, охране и музеефикации исторического наследия Евпатории.

Одновременно в кругах крымоведов в СССР и за рубежом ее фамилия все чаще звучала при упоминании евпаторийской старины и изучении археологических и этнографических памятников региона. Ее имя ассоциировалось с евпаторийскими древностями и благодаря небольшому по объему, обзорным публикациям о деятельности музея, помещенным в периодическом издании Российского общества по изучению Крыма — журнале «Крым»²⁹. В 1923 г. на географическом отделении Первого московского государственного университета Полина Яковлевна выступила с сообщениями «Евпаторийская старина и орнамент крымских татар»³⁰ и «Бытовое искусство крымских татар и памятники старины»³¹. П.Я. Чепурина была активным членом Российского общества по изучению Крыма. Ее доклад «Этнография и историко-художественные материалы Крыма», сделанный в Москве, вызвал живой отклик специалистов³². Краевед участвовала и в работе Таврического общества истории, археологии и этнографии. Так, 22 ноября 1925 г. она выступала на заседании Общества с докладом «Древний рукописный Коран из мечети Джума-Джами в Евпатории», 16 мая 1926 г. «Из истории культуры караимов»³³.

Чепурина понимала, что культурно-массовая и пропагандистская работа музея это не только экспозиционная деятельность. В 1924 г. краевед организовала платный лекторий для отдыхающих и жителей Евпатории по актуальным вопросам местной истории и этнографии. Она разработала научно-популярные лекции «Евпатория в прошлом: по материалам раскопок 1916–1917 годов», «Татарское орнаментальное искусство», «Караимское искусство как одно из слагаемых искусства Востока». Доходы от выступлений, по задумкам краеведа, должны были пополнять фонд Ассоциации любителей караимской старины и искусства, которую она возглавляла³⁴.

Одновременно этнограф не прекращала своей основной работы по копированию образцов бытового искусства народов Крыма, создавая уникальную по научному значению коллекцию этнографических рисунков³⁵. На Международной выставке декоративно-го искусства и современной художественной промышленности, состоявшейся в 1925 г. в Париже, представленные П.Я. Чепуриной крымско-татарские вышивки были удостоены бронзовой медали. Этот успех вдохновил краеведа на работу, целью которой было восстановить по всему Крыму угасавшее к тому времени искусство шитья и ткачества. В русле решения задач проводившейся на полуострове политики коренизации ставилась задача возрождения и других ремесленных производств, продукция которых достигала в досоветское время высокого художественного уровня. Научная активность подвижницы крымской этнографии была на подъеме. Заполняя в этот период анкету для Общества

²⁹ Чепурина П.Я.: 1) Евпатория — ее живая археология // Крым. 1925. № 1. С. 73–74; 2) Евпаторийский музей // Крым. 1926. № 2. С. 200.

³⁰ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (Далее — СПбФ АРАН). Ф. 155. Оп. 2. Д. 747. Л. 103.

³¹ ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 7. Д. 115. Л. 1–2.

³² Из деятельности Российского о[бщест]ва по изучению Крыма // Этнография. 1926. № 1/2. С. 306.

³³ ГИМ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 999. Л. 39–40.

³⁴ ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.

³⁵ ГМИНВ. Оп. 2. Сшивка 6. Д. 115. Л. 4 об.

по изучению Крыма, она определила тематику исследований, как «Научно-художественное изучение Крыма за период XII–XVIII века»³⁶.

Из всех архитектурных памятников города, прежде всего, интерес представляла средневековая мечеть Джума-джами. В 1924 г. при ее детальном осмотре из-за образовавшегося протекания П.Я. Чепурина обнаружила там древний рукописный Коран, который был включен в состав фондов музея. Евпаторийская музейщица обратилась к специалистам из академических центров СССР и Западной Европы для определения датировки и общей исторической ценности данного памятника. Тогда была обозначена уникальность Корана «по письму, росписи и количеству заставок»³⁷. После ее доклада об открытии уникального книжного памятника в КрымОХРИС реакция руководителей структуры, отвечавшей за сохранение культурного наследия, была довольно странной. В Евпаторию прибыл заместитель заведующего КрымОХРИСом Ян Петрович Бирзгал (1898–1968), который изъял уникальную книгу из фондов музея Евпатории и увез в Симферополь. Дело в том, что руководство КрымОХРИСа (А.И. Полканов и Я.П. Бирзгал) поддерживали инициативу У.А. Боданинского сделать Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае единственным центром по изучению тюркской культуры и централизованным местом хранения соответствующих памятников. Заведующая евпаторийским музеем обратилась с жалобой на неправомерные действия Я.П. Бирзгала и стоявших за ним А.И. Полканова и наркома просвещения Крымской АССР У.В. Балича в Музейный отдел Главнауки Наркомпроса РСФСР.

Полина Яковлевна напрасно рассчитывала, что умело организованные ей в СССР и за границей этнографические выставки поспособствуют упрочению позиций музея. Московские чиновники не обращали внимания на ее заслуги. В том же триумфальном для П.Я. Чепуриной 1925 г. руководитель Музейного отдела Наркомпроса РСФСР Н.И. Седова утвердила новый штат крымских музеев. Для Евпаторийского, который объединил в 1924 г. местный археолого-этнографический музей, Караимский музей и Караимскую национальную библиотеку³⁸, предполагалось всего два сотрудника, один из которых — научный³⁹.

Обширен был круг ученого общения заведующей евпаторийским музеем. Контакты завязывались на почве изучения музейных коллекций и реставрации отдельных исторических памятников города. Но наибольшее число ученых посетителей из академических центров СССР музей и его заведующая получили благодаря развернутой работе по сохранению, каталогизации и изучению уникальных книжных памятников караимской национальной библиотеки «Карай-битиклиги»⁴⁰. Так, благодаря интересу академика Игнатия Юлиановича Крачковского (1883–1951) к караимским книжным памятникам состоялось знакомство Полины Яковлевны с известным ориенталистом, которого в Евпаторию привез его друг, преподаватель Крымского госуниверситета им. М.В. Фрунзе Виктор Иосифович Филоненко (1884–1977)⁴¹. Дневник академика свидетельствует, что субботу и воскресенье 31 мая и 1 июня 1924 г. Крачковский с супругой провели в Евпатории,

³⁶ ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 11. Л. 38 об.

³⁷ Чепурина П.Я. Евпаторийская ханская мечеть Джума-Джами (Хан-Джами). Евпатория, 1927. С. 5.

³⁸ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 10. Д. 190. Л. 58–58 об.

³⁹ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 162. Л. 12.

⁴⁰ Непомнящий А.А. Караимское книжное собрание Карай-битиклиги: история утраченной коллекции // Библиография и книговедение. 2020. № 5. С. 125–135.

⁴¹ Непомнящий А.А. Академик Крачковский и кривоветие 20-х гг. XX в.: две малоизвестные командировки // Петербургский исторический журнал. 2015. № 2 (06). С. 130–140.

«куда ездили вместе с Филоненкой (так в источнике — *А.Н.*). Остановились там в самом музее у заведующей Чепуриной и было достаточно неудобно. Из-за перемены поездов уехать пришлось не в понедельник, а в воскресенье утром»⁴². Гости посетили караимские кенасы. П.Я. Чепурина познакомила их с книжными сокровищами и рукописями караимской библиотеки «Карай-битиклиги». Встреча с крупным ученым позволила вновь поставить вопрос о необходимости изучения и сохранения мало кому интересной в провинциальной Евпатории уникальной коллекции. Не исключено, что именно тогда, в последний майский день 1924 г., у Крачковского зародилась мысль о перемещении бесценного собрания книг и документов в Ленинград. Таким же образом началось научное общение П.Я. Чепуриной с крупным семитологом, заведующим отделом гебраики Азиатского музея АН СССР Михаилом Николаевичем Соколовым (1890–1937), который в течение 1926–1927 гг. провел много времени в Евпатории, разбирая книжные и рукописные памятники «Карай-битиклиги»⁴³.

Среди столичных специалистов консультантом, а со временем и другом П.Я. Чепуриной, стал Борис Николаевич Засыпкин (1891–1955) — крупный деятель в области охраны и восстановления памятников истории и культуры, основоположник методики научной реставрации. С 1924 г. КрымЦИК, Совнарком Крымской АССР выделяли значительные средства для изучения истории и этнографии тюркских этносов полуострова. В 1926 г. после двухлетних археологических разведок и раскопок, когда очертился значительный объем архитектурных находок средневекового Крыма, по решению Главнауки «для инструктирования реставрационных работ» к участию в экспедиции был привлечен Б.Н. Засыпкин⁴⁴. В Евпатории 16 августа 1926 г. им были исследованы архитектурные объекты, находящиеся в ведении Евпаторийской секции ОХРИСа: текие дервишей, дом Бабаджана, караимские кенасы⁴⁵. Объектом пристального внимания архитектора стала мечеть Хан-Джами (Джума Джами) 1552 г. постройки. Архитектора сопровождали П.Я. Чепурина и Я.П. Бирзгал.

В 1926 г. П.Я. Чепурина приняла участие в Конференции археологов СССР в Керчи. Это было крупное событие, на которое собрались историки-крымоведы из СССР и европейских стран⁴⁶. Краевед выступила там с сообщением «О Коране евпаторийской мечети», где остановилась на истории сооружения культовой постройки. Она привела две легенды о Коране — как «заветном даре на черный день» и «сердце мечети», изъятие которого приведет к смерти мечети⁴⁷. Подробно были проанализированы художественное оформление, шрифты уникального памятника, причиненные временем и небрежным обращением повреждения. В кулуарах конференции научному сообществу был предан огласке факт передачи крымскими чиновниками Корана в Бахчисарай. Несмотря на настоячивые требования председателя КрымОХРИСа А.И. Полканова, П.Я. Чепурина отказалась не выносить на обсуждение коллег данную ситуацию⁴⁸.

⁴² СПбФ АРАН. Ф. 746. Оп. 1. Д. 22. Л. 45.

⁴³ Там же. Л. 9.

⁴⁴ Центральный государственный архив города Москвы (Далее — ЦГАМ). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 507. Л. 3–4 об.

⁴⁵ ЦГАМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 513. Л. 3–5.

⁴⁶ *Непомятый А.А.* Керченская археологическая конференция по воспоминаниям участников: крымоведческие коммуникации первого советского десятилетия // Боспорские исследования. Керчь; Симферополь, 2019. Вып. 39. С. 404–423.

⁴⁷ *Чепурина П.Я.* О Коране евпаторийской мечети // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. Керчь, 1926. № 3. 7 сент. С. 6.

⁴⁸ ИИМК РАН НА РО. Ф. 2 (1927 г.). Д. 83. Л. 5–5 об.

Рис. 1 Секция тюрко-татарской археологии Конференции археологов СССР в Керчи. Сидят (слева направо): руководитель КрымОХРИСа А.И. Полканов, представитель Главнауки УССР А.С. Федоровский, П.Я. Чепурина, представитель КрымЦИКа Нагаев, председатель секции И.Н. Бороздин, А.С. Башкиров, ученый секретарь секции О.А. Акчокраклы. Стоят (слева направо): второй Н.С. Барсамов, К.Ф. Богаевский, В.М. Зуммер, Абдурахманов, Я.М. Якуб-Кемаль, Н.Л. Эрнст, Б.Н. Засыпкин, У.А. Боданинский, последняя Баишева

Реакция крымских чиновников, курировавших музеи — возглавлявших ОХРИС и Наркомат просвещения, на эти действия евпаторийского краеведа не заставила себя ждать. 6 марта 1927 г. Евпаторийский музей посетил нарком просвещения Крымской АССР Усеин Вели Балич. По его утверждению, он приехал в качестве уполномоченного Главнауки. Чиновник объявил о решении академического совещания Наркомата просвещения Крымской АССР закрыть Евпаторийский археолого-этнографический музей. Предписывалось передать все фонды в Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае.

П.Я. Чепурина сдаваться не собиралась. По совету Б.Н. Засыпкина она обратилась в Государственную академию истории материальной культуры с ходатайством о сохранении уникального собрания в Евпатории. В специальном отношении отмечала: «Нахожу совершенно невозможным вести работу при подобных условиях, когда администрацией решается судьба научного учреждения, его материалов, не учитывая ни исторических условий, ни перспектив развития музея. Постоянные попытки перевода, перетасовки караимских материалов, совершенно прекратили приток новых пожертвований, грозят порвать уже налаженные музеем общении с караимскими общинами СССР, мешают провести в жизнь план работ научного обследования имеющегося уже материала»⁴⁹.

⁴⁹ Там же. Л. 16 об.

Именно в это напряженное время Полина Яковлевна писала Б.Н. Засыпкину в Москву.

«8–III–1927. Евпатория.

Глубокоуважаемый Борис Николаевич, у меня опять новость: 6-го был у меня Балич и <...> закрывает Евп[аторийский] музей, а все материалы отправляет в Бахчисарай...

Ну и друг же он вирный! Усеин Эфенди [Боданинский—*А.Н.*] расширяет свой музей, а У. Балич, заботится, как бы наполнить его материалами Евпатории. Знаете, я немало видывала “сватов”—но, таких как Бирзгал—Полканов поискать надо днем с огнем. Они так одолели Балича, что он не только делает, но думает и говорит по указке Бирзгал[а]—Полканов[а].

Отношение Балича к Глав. Науке самое наплевательское—результат поведения Бирзгала. Глав. Наука своим попустительством относительно оставления Полканова в качестве директора и полным бездействием сладить с упорным нежеланием Бирзгала выполнить приказание ее об отправке, попустительствовала разыграть ихнему нахальству до Геркулесовых столбов.

Сейчас у меня Павел Иванович Голландский [архитектор, сотрудник КрымОХРИСа—*А.Н.*], которого прислал Балич осмотреть Хан Джамы и др[угие] здания. Он пришел в ужас от тех разрушений, которые произошли за зиму. Я посылаю одновременно [служебную записку—*А.Н.*] по этому поводу в Реставрационный отдел Глав. Науки. Очень прошу Вас всемерно поддержать мое отношение и указать на бессмысленность той экономии, которую Полканов устроил в прошлом году—результат ее сказался на памятниках старины Евпатории. В особенности в ужасном виде домики мои чудесные! Вы себе не представляете того ужаса, который я испытываю при мысли о том, что нахалам нашим отданы в распоряжение все средства, все возможности разрушения и уничтожения. Неужели их нельзя притянуть к суду за подобную “деятельность”.

Хан-Джамы и домики, куда ценнее позолоченной пряжки, из-за которой тов. Бирзгал второй месяц отравляет мою голову. Да, я получила от Муз[ейного] отд[ела] бумажку, приятную для меня и неприятную для Усеина Эфенди [Боданинского—*А.Н.*]. Мне дают временно Коран до окончания работы. Спасибо, Нат[алье] Ив[ановне] [Седовой—*А.Н.*]. Скажите, Борис Николаевич, Петров Ф.Н. —выздоровел, принимает или нет. Что слышно в Глав. Науке? Полканов сейчас в Москве, поехал заметать следы по моему делу. Они получили бумагу выслать дело в центр и он поехал налгать целый ворох.

Привет Вам и Вашей супруге. Уважающая Вас, П. Чепурина.

Привет Б.П. Денике»⁵⁰.

Упомянутые в письме «домики»—караимские дома в старой части застройки Евпатории с уникальными резными деревянными потолками и карнизами. П.Я. Чепурина справедливо считала, что закрытие музея в Евпатории и, в частности, передача караимских материалов в бахчисарайский музей, нерационально. Подаренные в значительной степени караимской общиной, эти материалы являлись достоянием Евпатории. Как видно из текста письма, заведующая отослала обращения во все инстанции, создавая широкий общественный резонанс. Она пыталась попасть на прием к руководителю Главнауки Наркомпроса РСФСР Ф.Н. Петрову, обратилась к руководителю Музейной секции Главнауки Н.И. Седовой. В письме, направленном в Государственную академию истории материальной культуры, непосредственно ее руководителю Н.Я. Марру, 5 апреля 1927 г.

⁵⁰ ЦГАМ. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 513. Л. 12–12 об.

П.Я. Чепурина взывала: «Прошу Академию оказать содействие своим научным авторитетом <...> в деле сохранения полной неприкосновенности караимских материалов», настаивая через Главнауку на недопустимость приведения в исполнение решения крымской администрации по делам музеев о закрытии Евпаторийского музея⁵¹. Н.Я. Марр, который постоянно интересовался положением дел в развивающемся крымоведении⁵², не остался безучастным в судьбе, как он сам отмечал, «самой значительной в СССР караимской музейной коллекции». По его указанию ГАИМК сделала запрос в Главное управление музеями Главнауки. Оттуда 6 июня 1927 г. был получен ответ об отмене решения местных крымских органов о закрытии музея⁵³.

А Чепурина, между тем, сообщала Б.Н. Засыпкину разработанный ею план мероприятий по спасению музея.

«Евпатория. 6–IV–1927.

Глубокоуважаемый Борис Николаевич, получила Вашу открытку в разгар переписки с Ленинградом и потому до сих пор не могла ответить Вам.

Спасибо за новости от Наркомпроса Глав. Науки, они как раз мне были нужны для стратегического плана. В данное время я ни на одну минуту не сомневаюсь, что Музей нельзя так легко закрыть, как бы этого желалось бы. Не рассказать всего этого Вам в письме. Надеюсь, что Вы в мае будете в Евпатории. Я очень хочу, чтобы нам не разминуться. Наша краеведческая организация выставляет меня своим кандидатом на Краеведческий съезд 8/V в Москве. Мне очень было бы кстати попасть в Москву, но не знаю, удастся ли. Я думаю, что зам. председателя краеведческого съезда в Крыму тов. Полканов (как Вам это нравится?) будет опять [делать] всяческие гадости, только чтобы помешать провести мою кандидатуру.

Сейчас меня оставили в покое с делом 1923 г. Я так и не вызывалась к следователю после своего заявления к Баличу. Но сейчас у нас разразился дивный акт из трагикомедии (Коран Хан Джамии и зав[едующая] Евп[аторийским] музеем), я получила от Муз[ейного] отд[ела] Главнауки Наркомпроса РСФСР — *А. Н.*] бумагу, по которой я могу взять Коран для окончания работы. С этой бумагой я поехала в Крым Наркомпрос. Можете себе представить, как было приятно Баличу, личному другу Усеина Эфенди и “Ване 22 несчастья” писать бумагу, подтверждающую требования о выдаче Корана. 4 дня проморили они меня, думая, что я рассержусь и уеду. — Я не рассердилась и дождалась бумагу. Приехала в Бахчисарай: Усеин Эфенди был зол, как полагается, не дал мне Корана, заявив, что на бумагу Глав. Науки он один раз не посмотрит (по русскому переводу — плюнул), а на Крым Наркомпросовскую — три раза не посмотрит, не посчитается. Я знала, что ответ будет таков, но захотела проверить сложившееся мнение об Усеине Эфенди. Он оказался таковым, как и следовало ожидать. Я попросила дать мне мотивировку отказа. Мотивировку он дал очаровательную — лучше не нужно. Я ее направила в Муз[ейный] отд[ел] и тов. Вайнер [Лазарь Яковлевич, сотрудник Музейного отдела Наркомпроса РСФСР, скульптор — *А. Н.*] останется доволен.

Не знаете ли Вы, Федор Ник[олаевич] Петров — руководитель Главнауки Наркомпроса РСФСР — *А. Н.*] приедет на наш краеведческий съезд 16–17 апр.? Когда же выяснится Ваш отъезд? — Ждать буду Вас с большим удовольствием и заботой не разминуться — меня

⁵¹ ИИМК РАН НА РО. Ф. 2 (1927 г.). Д. 83. Л. 9.

⁵² *Непомнящий А.А.* Николай Марр и крымоведение 1920-х // Крымское историческое обозрение. Казань; Бахчисарай, 2014. № 1. С. 46–67.

⁵³ ИИМК РАН НА РО. Ф. 2 (1927 г.). Д. 83. Л. 24.

могут вызвать для доклада в Ак[адемии] наук. Точно, какого числа, не могу сказать. Привет Вашей супруге и Вам от меня и Кл[авдии] Як[овлевны Рыбальской — сестры П.Я. Чепуриной — А. Н.].

Всего доброго, уважающая Вас П. Чепурина.

В Ленинграде, Ак[адемией] Мат[ериальной] Культ[уры] 28–III не было получено ни мой доклад, ни постановление секции Москов[ской] относительно Евп[аторийского] музея. Привет Б.П. Денике»⁵⁴.

«Ваней 22 несчастья» П.Я. Чепурина поименовала Яна (Ивана) Петровича Бирзгала. Упомянутый «краеведческий съезд», действительно собравшийся в Симферополе в апреле 1927 г., был форумом Общества по изучению Крыма. Приезд в Крым в апреле 1927 г., про который сообщал Б.Н. Засыпкин П.Я. Чепуриной, был связан с очередной экспедицией Центральных государственных реставрационных мастерских на полуостров под руководством возглавлявшего это учреждение Игоря Эммануиловича Грабаря (1871–1960). В состав исследовательского коллектива были включены руководитель Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древней живописи в России, искусствовед Александр Иванович Анисимов (1877–1937), реставратор Григорий Осипович Чириков (1882–1936) и фотограф А.В. Лядов. Задачей экспедиции было обследование памятников архитектуры с сохранившейся живописью и обозначение необходимых мер для охраны и поддержания этих архитектурных объектов. Намечено было и проведение инструктажа для музейных работников по научно-техническим приемам по уходу за памятниками⁵⁵.

А конфликт П.Я. Чепуриной с Крымнаркомпросом перешел в это время в новую фазу. В мае 1927 г. при организованной с подачи наркома просвещения Крымской АССР У.В. Балича проверке фондов Евпаторийского музея краеведения заместителем заведующего КрымОХРИС Я.П. Бирзгалом были выявлены «злоупотребления и должностные преступления» П.Я. Чепуриной, заключающиеся в раздаче «художественных ценностей» музея (материалов фондов, уже учтенных в книгах поступлений) «частным лицам и сотрудникам по ее усмотрению»⁵⁶. Так, гражданке Ходжаш-Капленовской возвращены «пять картин известных мастеров XIX века»; гражданке Кольевой вернули гарнитур старинной мебели; гражданину Казасу выданы ранее изъятые у него ваза, две скульптуры, ковер, скатерть; гражданину Муждабе отдан старопечатный Коран⁵⁷. Несмотря на объяснения заведующей музеем о том, что ею были возвращены жителям города вещи, незаконно реквизированные у них в первый год Советской власти, когда «уплотнились» особняки состоятельных граждан, против П.Я. Чепуриной очередной раз было возбуждено уголовное дело. Каждый раз обвинения в уголовных преступлениях после долгих разбирательств снимались и дела заканчивались административными или дисциплинарными взысканиями⁵⁸, но психологические травмы накапливались.

В конце 1927 г. П.Я. Чепурина сообщала Засыпкину о развязке этих событий.

«Глубокоуважаемый Борис Николаевич. Нам действительно не везет на переписку. Я почти месяц тому назад начала Вам письмо и до сих пор не могла его закончить. И все из-за Вани 22 несчастья. Он виновник сего торжества, что моя эпистолия завяла, заблелка

⁵⁴ ЦГАМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 513. Л. 13–13 об.

⁵⁵ ЦГАМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 10. Л. 154–154 об.

⁵⁶ ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 1. Д. 1184. Л. 23.

⁵⁷ Там же. Л. 24.

⁵⁸ ГАРК. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 52. Л. 48–50.

и потерялась. Вновь в конце июня он возбудил дело, немного переменяв его окраску. Я вышла из берегов терпения и обратилась к защите у власть имущих в Евпатории, надо сказать — я совершенно не ожидала такого блестящего результата, каковой получился от этого. Давно бы нужно было поступить так и в Москву не ездить. Зубки Вани подпилили, но нервы мои не могут прийти в себя до сих пор. Радуюсь за музей больше чем за себя. На днях очень пожалела, что Вас не было на нашем научном совещании. Воспользовавшись тем, что в данное время в Евпатории много научных сил, я пригласила их с тем, чтобы они высказались по нашим материалам книжным и музейным. Также по памятникам старины по сделанной работе. Ник[олай] Ник[олаевич] Померанцев расскажет Вам подробно. Вы даже ознакомитесь по копии протокола, которую он получит от нас.

Сегодня получена копия протокола того заседания ОПИКа [Общества по изучению Крыма—*А.Н.*], о котором Вы мне пишете. Здорово! Будем кричать “ура”, еже ли попадем на страх и зависть “друзьям”, на гос. бюджет РСФСР. **Я подниму свой нос гордо и смело вверх** [выделено нами—*А.Н.*]. Да, в этом году сам Райкурорт (Районное курортное управление), пришел с повинной головой в музей. 2 года они мешали нам открыть бальнеологический отдел, а теперь сами принесли весь свой материал. Вообще начинаем побеждать врагов супостатов (под нож).

В Хан Джамии оббиваем штукатурку, будем ее сушить и покрывать купола как Вы говорили.

Привет Вашей супруге, если вернулась, и желаю Вам всего доброго. Уважающая Вас П. Чепурина.

26–ХІІ–1927 г. Евпатория.

Посылаю Вам листовку по Хан Джамии. Извините за сугубо популярное изложение — так требуется уважаемой публике»⁵⁹.

Упомянутый в письме искусствовед, реставратор Н.Н. Померанцев (1891–1986) по согласованию с Б.Н. Засыпкиным и по указанию руководителя Центральных государственных реставрационных мастерских И.Э. Грабаря оказывал Евпаторийскому музею методическую помощь по проведению реставрационно-восстановительных работ в мечети.

1927 г. был насыщенным для Чепуриной и в научном плане. Она участвовала во второй Конференции археологов СССР в Херсонесе. Совместно с сотрудником музея Владимиром Федоровичем Штифтаром (1880–1942) выступила с докладом об античном периоде жизни Евпатории⁶⁰. В соавторстве с хранителем книжного собрания «Карай-битклиги» Б.С. Ельяшевичем на страницах крымского краеведческого издания опубликовала материал об обычаях караимов⁶¹.

Закрытие ОХРИСов в 1927 г., упразднение в 1928 г. Музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР резко подорвало позиции П.Я. Чепуриной, лишив ее налаженных за годы рабочих контактов. Она осталась один на один с местными чиновниками. Хотя в ходе следствия над П.Я. Чепуриной обвинения уголовного плана были сняты и доказано, что заведующая возвращала гражданам вещи, незаконно изъятые у них в первый год советской власти, Полина Яковлевна была уволена с должности руководителя

⁵⁹ ЦГАМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 513. Л. 14–14 об.

⁶⁰ Штифтар В.Ф., Чепурина П.Я. Евпатория—Керкинитиды, как часть Херсонесского округа // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927 года: по случаю столетия Херсонесских раскопок. Севастополь, 1927. С. 34–36.

⁶¹ Чепурина П., Ельяшевич Б. Караимские брачные договоры «шетары» // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1927. Т. 1 (58). С. 181–195.

музеем⁶². В судьбе Чепуриной сыграла роль и общая атмосфера в стране, сворачивание краеведческого движения и начальный этап чисток. И тут дело даже не в ее принципиальном и неуживчивом нраве. Держать на посту заведующей дочь священника в Крымском компросе не хотели.

Появившееся от административной загруженности время Полина Яковлевна использовала для обобщения накопленного этнографического материала. За свой счет, при помощи А.И. Маркевича, она организовала выставку крымскотатарских народных промыслов в Симферополе⁶³. Благодаря дружеским связям с Арсением Ивановичем была напечатана ее содержательная статья «Орнаментное тканье крымских татар»⁶⁴. К изданию в Москве готовился этнографический альбом «Крым» с фотографиями национальных одежд народов полуострова. 171 фотография, расположенные на 50 листах, готовые к печати, так и остались неопубликованными. Альбом сохранился в фондах Государственного музея искусств народов Востока.

Рассуждая о перспективах развития Евпаторийского краеведческого музея, новый заведующий музеем Яков Георгиевич Благодарный (1882–1942) отметил в служебной записке от 1 сентября 1928 г., что при руководстве Чепуриной «музей встал на ложный путь, не несет на себе задач нашего социалистического строительства». Он предложил реорганизацию музея в «учреждение краеведческого типа, которое способствовало бы выявлению производительных сил района и возможности экономического и культурного развития его». Для этого он предложил организовать новые отделы: сельского хозяйства, кооперации и торговли, историко-революционный, естественноисторический и татарский для показа материальной культуры народа⁶⁵.

Отношения Полины Яковлевны с новым руководителем предсказуемо не складывались. Как считал Благодарный, Чепурина имела «умышленное и злостное намерение помешать развитию музея—организации новых отделов и приведению в порядок фондового имущества, <...> умышленно смешала и спутала нумерацию музейных тканей с целью внести беспорядок в учет и маскировала недостаток имущества»⁶⁶. Руководитель музея обвинил сотрудницу в том, что она специально испортила ряд тканей, распоров их для своих зарисовок, преднамеренно не исполняла его распоряжений. А тем временем П.Я. Чепурина была сосредоточена на другом. Понимая, что из музея ее в итоге выживут, она пыталась организовать сохранность самого дорогого— караимского книжного собрания. В письме к евпаторийскому районному архивариусу она указывала на особое значение рукописных тетрадей: «Материал прочитан, пронумерован и для сохранения заложен в особые бумажные папки. Полное научное обследование требует более обстоятельного труда и отсюда, и отдельной оплаты. Силами Евпаторийского музея возможна лишь предварительная работа к научному обследованию»⁶⁷.

Обстановку в музее, где после ухода Чепуриной с поста руководителя царил «большая неразбериха», передает письмо В.И. Филоненко И.Ю. Крачковскому от 18 июля 1928 г.: «Новый заведующий все хочет делать по-новому. Это вполне естественно. Полина

⁶² ГАРК. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 52. Л. 48–50.

⁶³ ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 7. Д. 115. Л. 7.

⁶⁴ Чепурина П.Я. Орнаментное тканье крымских татар // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1929. Т. 3 (60). С. 72–77.

⁶⁵ ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 11. Л. 71.

⁶⁶ Там же. Л. 54–54 об.

⁶⁷ Там же. Л. 191–191 об.

Яковлевна, конечно, с ним спорит. В результате не спорят, а только разозляют. Обидно, что никак не удается убедить Полину Яковлевну примириться. Но хуже всего страдает Караимская библиотека. Это какой-то мертвый капитал. И никому нет до нее дела. И никто не знает даже, что там есть. Я не говорю про рукописи. Я имею вообще все печатные книги, там находящиеся. Ведь нет никакого каталога. Да что каталога! Нет самой простой описи. И найти там нужную книгу – дело невозможное. Я пытаюсь там описать книги Шапшала. Не знаю, удастся ли довести эту работу до конца, ибо администрация в лице библиотекаря Ильяшевича [Б.С. Ельяшевича — А. Н.] страшно боится такой описи: «<...> узнают татары, что у нас тут есть и прощай библиотека...». И вот из-за этого страха – библиотечный хаос – книги портятся, покрываются плесенью, тлеют. А есть очень и очень интересные книги. Все издания нашего факультета [факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета — А. Н.], кажется с 50-тых годов [XIX века], почти все иностранные издания. Очень много арабских грамматик на немецком и французском языках. И все это без всякого употребления. Даже боятся сказать кому-нибудь об этом»⁶⁸.

Нежелание наблюдать разрушение создаваемого ей за десятилетие музея вынудило Чепурину 25 февраля 1929 г. уволиться: «Ввиду необходимости закончить мой многолетний труд по крымско-татарскому орнаменту и, не имея возможности совместить эту работу со службой в музее, прошу Вас ходатайствовать перед Крым Наркомпросом об освобождении меня от занимаемой должности»⁶⁹. Благодарный настоял на выселении Чепуриной из служебной квартиры в здании музея, где она проживала с 1921 г. Полине Яковлевне пришлось оставить любимую Евпаторию.

П.Я. Чепурина в дальнейшем занималась организацией артелей, где производили предметы быта крымских татар в виде сувенирной продукции. В 1931 г. она передала руководство артелями своей сестре и ученице К.Я. Рыбальской и посвятила себя исключительно научно-исследовательской и выставочной работе в Москве. В 1930-е гг. в Музее восточных культур ею были подготовлены выставки «Ткани Крыма», где были представлены образцы и рисунки орнаментов, «Искусство советского Крыма» (1935 г.). Демонстрировались произведения народных артелей, сделанные с сохранением народных традиций. Вместе с материалами, иллюстрировавшими караимское искусство в Крыму, старинные татарские ткани и вышивки, «татарскую ткань и вышивки в эпоху порабощения Крыма царизмом» демонстрировались картины современных крымских художников⁷⁰. Сохранились отзывы о выставках Чепуриной, проведенных в 1930-е гг. в Москве, подготовленные ее добрым знакомым и коллегой, историком восточного искусства Борисом Петровичем Денике (1885–1941), служившем в 1925–1929 гг. директором Музея восточных культур⁷¹. Так, авторитетный ученый отмечал: «Чепурина глубоко изучила бытовое искусство Крыма, собрала огромное количество ценных образцов памятников шитья и тканя крымских татар и прикладного искусства, подвергла этот материал научно-исследовательской обработке и классификации. Считаю необходимым этот единственный в своем роде и по научному, и по художественному интересу материал сделать доступным художественным кругам и широкой общественности»⁷². Другой рецензент — известный

⁶⁸ СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 922. Л. 261–261 об., 262.

⁶⁹ ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 11. Л. 168.

⁷⁰ ГМИНВ. Оп. 2. Сшивка 6. Д. 115. Л. 20–23.

⁷¹ ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 7. Д. 115. Л. 8.

⁷² ГМИНВ. Оп. 2. Сшивка 6. Д. 115. Л. 7.

искусствовед и критик Анатолий Васильевич Бакушинский (1883–1939)— заметил, что в подготовленных крымоведом выставках «Поражает богатство и разнообразие орнаментальных мотивов. Следует приветствовать неумолимую инициативу П.Я. Чепуриной»⁷³. Высоко о созданной П.Я. Чепуриной экспозиции отзывался и участвовавший сам в выставке «Искусство советского Крыма» руководитель иллюстративного отдела газеты «Красный Крым» Александр Николаевич Глаголев (1893–1970-е)⁷⁴.

В это время по поручению Всесоюзной торговой палаты П.Я. Чепурина занималась возрождением кустарно-художественной промышленности Крыма и подготовкой образцов для международной выставки в Париже в 1937 г.⁷⁵ В Музей восточных культур (сейчас — Государственный музей искусства народов Востока) П.Я. Чепурина передала и вывезенную из Крыма коллекцию рисунков крымско-татарской одежды с пояснительными текстами, которую формировала в течение многих лет. Все рисунки выполнены ее сестрой Клавдией Яковлевной Рыбальской (1880–1953), пояснительный текст и шифры проставлены рукой П.Я. Чепуриной. Основная часть зарисовок территориально ограничивается регионами Бахчисарая и Евпатории, частично Ялты: элементы крымско-татарской одежды⁷⁶. Для популяризации и дальнейшего изучения культуры крымско-татарского народа важную роль сыграли выставки зарисовок крымско-татарского орнамента, ткачества и вышивок в Москве (1929 и 1935 гг.) и всемирные выставки декоративного искусства и современной художественной промышленности в Париже (1925, 1928, 1937 гг.). Подготовленные П.Я. Чепуриной на этих выставках экспозиции принесли Советскому Союзу престижные награды.

В 1930-е гг. Чепурина печатала как научные статьи в ведущих советских журналах⁷⁷, так и выступала на страницах крымских газет с популярными очерками о мастерах народного орнамента⁷⁸. Апогеем ее научного творчества стала монография «Орнаментное шитье Крыма»⁷⁹. Издание вызвало восторженные отклики как в научной литературе, так и в местной периодике⁸⁰.

Чистки конца 1930-х гг. в среде музейных работников столицы не обошли Полину Яковлевну. Дальнейшему сотрудничеству Чепуриной с Музеем восточных культур помешало происхождение, а также негативный отзыв (характеристика) Я.Г. Благодарного, полученные из Евпатории, где сообщалось, что бывшая заведующая использовала местный музей исключительно в личных целях, как «дойную корову»⁸¹. Полина Яковлевна вернулась в Крым и смогла устроиться научным сотрудником в Государственный дворец-музей

⁷³ Там же. Л. 8.

⁷⁴ ГМИНВ. Оп. 2. Сшивка 6. Д. 115. Л. 29–36; ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 1. Л. 82–83.

⁷⁵ ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 7. Д. 115. Л. 5.

⁷⁶ ГМИНВ. № 180 /III; 195 /III; 198 /III; 201 /III; 209 /III; 214 /III; 238 /III; 251 /III; 255 /III; № 256 III; 257 III; 262 III; 264 III; 265 III; 268 III; 269 III.

⁷⁷ Чепурина П.Я.: 1) Бытовое искусство крымских народов // Социалистическая экономика и культура Крыма. Симферополь, 1935. № 5. С. 83–85; 2) Татарская вышивка // Искусство. М.; Л., 1935. № 2. С. 103–108.

⁷⁸ *Sepurina P.* Qытм orneklerinin açaıır ustası // Яньы дюнья. Симферополь, 1936. № 126 (4328). 3 июня. С. 3; Чепурина П. Творцы орнамента // Красный Крым. Симферополь, 1937. № 223 (5032). 29 сентября. С. 3.

⁷⁹ Она же. Орнаментное шитье Крыма. М.; Л., 1938. 64 с.

⁸⁰ *Szapszal S.* [Рецензия] // *Myśl karaimska*. Wilno, 1939. Z. 12 (1937–1938). S. 118–119; *Галушко А.* «Орнаментное шитье Крыма»: [рец.] // Красный Крым. Симферополь, 1938. № 241 (5351). 17 октября. Изд под псевд. А.Г.

⁸¹ ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 11. Л. 54.

тюрко-татарской культуры в Бахчисарае. Ее бывшего обидчика—директора этого учреждения У.А. Боданинского (1877–1938), с которым они конфликтовали из-за передачи из Евпатории в Бахчисарай экспонатов, к тому времени репрессировали. Руководство музейного комплекса в Бахчисарае менялось довольно часто, работы и фондов толком никто не знал. На этом фоне появление специалиста, хорошо разбиравшегося в тонкостях ремесленного производства, тканях, вышивках крымских татар, было весьма кстати. В течение нескольких месяцев Чепурина подготовила экспозицию отдела народных художественных ремесел, за что получила благодарность от директора А.П. Такова⁸².

Практика успешно подготовленных на базе Музея восточных культур выставок крымско-татарских народных промыслов в 1930-е гг., их удачная демонстрация в Европе способствовали назначению подвижнице крымской этнографии академической пенсии, инициатором назначения которой выступил Музей восточных культур⁸³.

После окончания Великой Отечественной войны Чепурина проживала в Симферополе вместе с сестрой К.Я. Рыбальской по адресу пер. Тихий, 4, кв. 9. К сожалению, в конце жизни у нее случилось нервное расстройство. К.Я. Рыбальская писала 2 декабря 1945 г. известному мастеру декоративного искусства Вере Викторовне Болсуновой (1877–1946): «Сестра моя совсем плохонькая. Все думала, что никогда не иссякнет ее энергия, ее силы. А каждый человек имеет свой запас сил и должен уметь их расходовать. А моя сестра была неуправляемой и растратилась раньше времени. По почерку и содержанию можете судить о ее состоянии. Так трудно, что я сестру теряю раньше смерти. Она превращается в ребенка. Я Вам писала, что Восточный музей в Москве выхлопотал ей персональную пенсию в 250 р. На основании пенсии здесь я добилась ей добавочного питания научного работника. Пока никаких других благ не добилась. А так много нужно! Хотела в Москве продать Вост. музею часть материалов П.Я.»⁸⁴.

Уникальные материалы по изучению крымско-татарской одежды и особенностей вышивки, собранные П.Я. Чепуриной и сохраненные, благодаря их своевременной передаче в Государственный музей Востока, до настоящего времени остаются малоизвестными специалистам-крымоведам. Они нуждаются в полном издании с современным научным комментарием, что, безусловно, обогатит наше представление об этнографии и истории изучения крымско-татарского народа.

Список литературы

Непомнящий А.А. Академик Крачковский и крымоведение 20-х гг. XX в.: две малоизвестные командировки // Петербургский исторический журнал. 2015. № 2 (06). С. 130–140.

Непомнящий А.А. Историчне кримознавство (кінець XVIII—початок XX століття): біобібліографічне дослідження. Сімферополь: Бізнес-Інформ, 2003. 456 с.

Непомнящий А.А. Караимское книжное собрание Карай-битиклиги: история утраченной коллекции // Библиография и книговедение. 2020. № 5. С. 125–135.

Непомнящий А.А. КрымОХРИС в документах отдела письменных источников Государственного исторического музея (1920–1927) // Вестник Томского государственного университета. Серия: «История». 2022. № 75. С. 125–130.

⁸² *Эминов Р.Р.* Бахчисарайский дворец-музей: история создания и формирования коллекций (1917–1945). М., 2017. С. 215–217.

⁸³ Центральный государственный архив-музей литературы и искусства Украины. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–3.

⁸⁴ Там же. Д. 8. Л. 1 об.

Непомнящий А.А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX—начало XX века): биобиблиографическое исследование. Симферополь: [Б. и.], 2000. 360 с.

Непомнящий А.А. Николай Марр и крымоведение 1920-х // Крымское историческое обозрение. 2014. № 1. С. 46–67.

Эминов Р.Р. Бахчисарайский дворец-музей: история создания и формирования коллекций (1917–1945). М.: Связь эпох, 2017. 368 с.

References

Eminov, R.R. *Bakhchisaraiskii dvorets-muzei: istoriia sozdaniia i formirovaniia kollektzii (1917–1945)* [Bakhchisarai Palace Museum: the history of the creation and formation of collections (1917–1945)]. Moscow: Sviaz epoch Press, 2017. 368 p. (in Rus.).

Nepomniashchii, A.A. Akademik Krachkovskii i krymovedenie 20-kh gg. XX v.: dve maloizvestnye komandirovki [Academician Krachkovsky and Crimean studies of the 1920s: two little-known business trips], in *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. 2015. Vol. 2 (06). P. 130–140. (in Rus.).

Nepomniashchii, A.A. *Istorichne krimoznavstvo (kinets' XVIII—pochatok XX stolittia): biobibliografichne doslidzhennia* [Historical Crimean studies (late 18th—early 20th century): biobibliographic research]. Simferopol': Buisness-Inform Press, 2003. 456 p. (in Ukr.).

Nepomniashchii, A.A. Karaimskoe knizhnoe sobranie Karai-bitikligi: istoriia utrachennoi kollektzii [Karait Book Collection of the Karai Bitikliga: The History of the Lost Collection], in *Bibliografiia i knigovedenie*. 2020. Vol. 5. P. 125–135. (in Rus.).

Nepomniashchii, A.A. KrymOKhRIS v dokumentakh ot dela pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (1920–1927) [CrymOHRIS in the documents of the Department of Written Sources of the State Historical Museum (1920–1927)], in *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: «Istoriia»*. 2022. Vol. 75. P. 125–130. (in Rus.).

Nepomniashchii, A.A. *Muzeinoe delo v Krymu i ego starateli (XIX—nachalo XX veka): biobibliograficheskoe issledovanie* [Museum work in Crimea and its prospectors (19th—early 20th centuries): a biobibliographic study]. Simferopol': [without name of publisher], 2000. 360 p. (in Rus.).

Nepomniashchii, A.A. Nikolai Marr i krymovedenie 1920-kh [Nikolai Marr and Crimean studies of the 1920s], in *Krymskoe istoricheskoe obozrenie*. 2014. Vol. 1. P. 46–67. (in Rus.).